

1/35/1002

05



Геннадий ОСТРОВСКИЙ

Любовник

Фрагмент сценария

Островский Геннадий

Еще ничего не случилось. День – солнечный и ветреный, с желтыми пятнами октября – только начинается.

Окна большой старинной московской квартиры, с комнатами, что будто разбегаются друг от дружки по узкому коридору, распахнуты настежь.

В одной из комнат, музыкальной, стоит черный рояль с метрономом, нотная библиотека, что указывает на профессиональную деятельность хозяйки (филармонические и концертные фотографии на стенах это подтверждают).

В другой комнате, где стоят козлы и мебель сдвинута в угол, начат серьезный ремонт. Он еще не успел опрокинуть квартиру в свой первобытный хаос, но его присутствие повсюду уже очевидно.

В гостиной, за столом работает над бумагами хозяин квартиры, Дмитрий Чарышев, высокий худой человек с резким, не очень располагающим к себе лицом. Ему около пятидесяти. Не отрываясь от бумаг, он шарит по столу ладонями.

Из кухни слышны легкие шаги, звяканье посуды, там, очевидно, готовится завтрак. Затем со странным звуком, будто кто-то резко отодвигает от себя стул, все смолкает.

– Лена! – недовольно говорит Чарышев в сторону кухни. – А где...

Сам натывается на ручку. Пишет.

В коридоре, вынырнув будто из-под земли, появляется чуждый круглый человек в комбинезоне и в засохшей краске, очевидно, строитель. Деловито взглянув на Чарышева, он скрывается в туалете.

Чарышев хмуро провожает его взглядом. Склоняется к столу.

– Лена, а где... – вновь недовольно говорит Чарышев, хлопая по столу руками, натывается на прозрачную папку, замолкает, сопит, разглядывая ее содержимое.

В туалете срабатывает бачок. Бодрый строитель, выйдя оттуда, молча направляется из квартиры, хлопает входную дверь. Чарышев вновь хмуро провожает его взглядом.

– Черти что с этим ремонтом, – бормочет он, тыкая ручкой в бумагу. – Лезут, как тараканы. Лена! Будет кофе, наконец, сегодня или нет! Чем ты там занимаешься?!

Не дождавшись ответа, раздраженно встает, подцепив тапочки на босу ногу, шлепает на кухню.

Кофе из медной джезвы, что косо стоит на плите, наклонившись ковшом вниз, медленно вытекает на шипящую мелким огнем конфорку и стекает вниз, по полу, к опрокинутой руке хозяйки – она лежит навзничь у стула, отвернув русую голову к окну и уютно подогнув под себя молодое колено, будто внезапно смертельно устала и легла отдохнуть прямо посреди кухни.

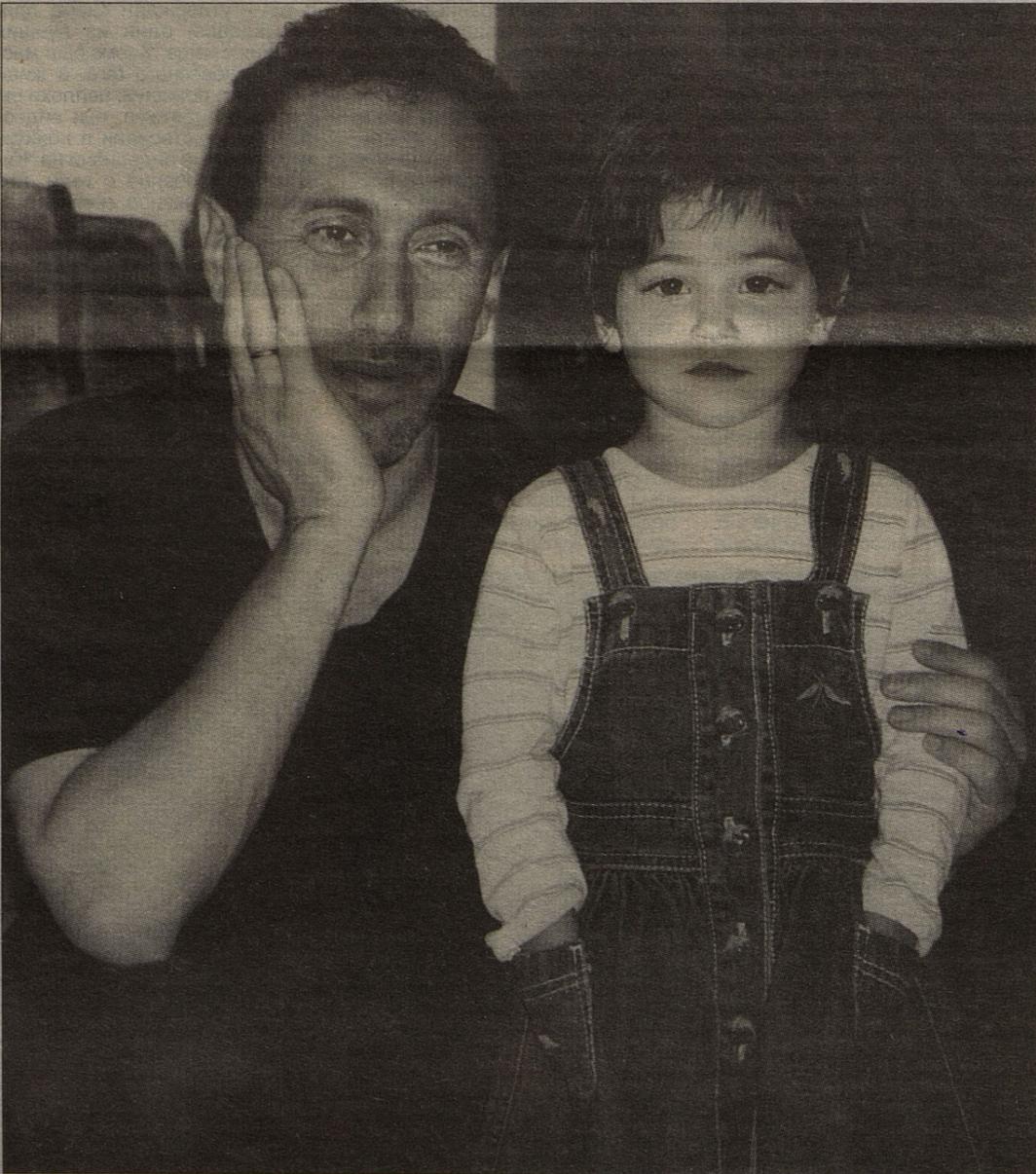
– Ленка? – растерянно говорит Чарышев.

Он в замешательстве склоняется над ней, делает какие-то неловкие хаотичные движения над ее телом, будто пытаясь растолкать, сводит и разводит руки, неумело дует в рот.

Бросившись к крану, смачивает под холодной струей воды края собственной длинной футболки, вытирает жене лицо, лоб, приподнимает голову. Пытается прослушать пульс. Замирает над ней. Вскрикивает, подхватывает ее на руки, несет в гостиную, к дивану.

– Сейчас, сейчас, – бормочет он. –

Собственно говоря, это уже не просто фрагмент сценария, а фрагмент снятого Валерием Тодоровским фильма. Снятого на удивление точно по сценарию. Ибо его автор обладает природным чувством облакать написанное слово в кинематографический кадр. В последние годы Геннадий Островский уверенно входит в круг ведущих сценаристов страны, и "Экран и сцена" может похвастаться, что не раз предоставляла свои страницы его сценарным опытам, печатая отрывки из "Барона", "Солдатского Декамерона", "В движении". Кстати, премьера последнего фильма (режиссер Филипп Янковский) состоялась 10 октября в кинотеатре "Пушкинский". Премьеры "Любовника" еще не было, но он успел собрать целый букет призов на всесоюзных и международных фестивалях. Только что в Сан-Себастьяне "Любовник" был удостоен призов за лучшую операторскую работу (Сергей Михальчук) и сценарий (Геннадий Островский). С чем еще раз поздравляем нашего желанного автора, предлагая вниманию читателей отрывок из сценария.



Сейчас, дорогая, я тебе помогу. Что же с тобой случилось, дорогая моя... Сейчас.

Не донеся до дивана, кладет ее на ковер, бросается к столу шкафу, роется в его ящичках, открывая пузырьки с лекарствами, бросая их на пол, в поисках неизвестно чего, растерянно оглядывается на жену. Снова подхватывает ее на руки, несет к дивану у окна, судорожно давит на грудь, слушает сердце, снова давит, сует под нос пузырек с нашатырем. Замирает. Бежит к телефону, что

стоит в глубине квартиры, в конце длинного коридора.

– Скорая помощь? – говорит он, пытаясь говорить как можно четче. – Моей жене плохо. Не знаю, она без чувств. Без сознания. Не могу привести ее в чувство. Фамилия Чарышева Елена. Тридцать четыре года. Столярный переулок десять, квартира шесть.

Прислушивается к странному звуку, что раздается из гостиной, семени, бежит туда, с силой ударившись

по дороге об угол сдвинутого со своего места комода, укрытого газетами. Останавливается в проеме двери.

Рука жены так же недвижимо и прозрачно в лучах солнца, что просвечивают ее ладонь, свешивается с дивана.

В открытые окна гостиной отчетливо доносится гул улицы, звеня, проходит неторопливый полупустой трамвай, тормозит на остановке – на углу дома, лениво открывает переднюю дверь.

Звук исходит от изолянтки на оконном стекле, край которой отклеился от длинной трещины, пересекающей окно от основания до форточки, и трещит на свежем ветру, как хвост гремучей змеи.

Над кладбищем плавает густой туман.

И люди, и музыка медного оркестрика у свежей могилы сиротливо вязнут в этой туманной завесе, теряются в ней.

Некоторых из присутствующих мы увидим и позже. Это большая грузная старуха с неподвижным, будто задубевшим лицом, бабушка жены, и рядом, держась за нее, старуха поменьше – тетка.

Среди них сын Чарышева, Петя, пятнадцати лет, с ним рядом его сверстница, юная девушка-подросток, с тремя белыми гвоздиками. На ее детском лице выделяются испуганные, ярко подведенные черным, глаза. Она робко берет мальчика за руку и ободряюще сжимает его пальцы.

Глухо, будто сквозь вату сыграв последние траурные ноты, оркестрик смолкает.

Возникает пауза, когда присутствующие неловко перемываются, в ожидании первой горсти земли, которую должно бросить в темную дыру могилы прежде, чем могильщики примутся за свое дело.

Чарышев, прихрамывая, медленно движется прочь от церемонии, вглубь кладбища, все больше уходя в туман, будто поглощающий его. Он внимательно рассматривает памятники, у одного из них останавливается, разглядывает фамилию на нем с некоторым пристрастием.

Он чувствует чье-то присутствие и, обернувшись, видит у памятника, чуть позади себя, посетителя – мужчину, вернее его сторбленный, полный отчаяния силуэт с опущенными вдоль тела длинными руками.

Мужчина стоит совсем близко от Чарышева, без всякого движения. Чарышев сквозь туман даже слышит его тяжелое, с призвуком стоны, дыхание, хотя и не видит его лица.

У могилы жены неловкая пауза затягивается.

Вера, подруга жены, статная крупная женщина с красным заплаканным лицом, растерянно вертит головой.

– Петя, а где папа? – растерянно шепчет она мальчику.

– Н-не знаю, – говорит тот. Он заметно заикается.

Вера наконец замечает Чарышева, тяжело бежит к нему. Ее большой высокий бюст трясется под черной пелериной, наброшенной на плечи.

– Митенька, пойдём, – задыхаясь говорит она, взяв его под руку и уводя прочь. – Надо горсточку земли бросить, чтобы Леночке мягко лежало.

– Призраки какие-то ходят, – говорит Чарышев. Он оглядывается назад, на силуэт посетителя, который скрывают памятники и туман.

– Пойдем, пойдём, Митенька, – приговаривает Вера. – Ты знаешь, а я очень верю в загробную жизнь. В это надо верить. Без этого нельзя.

Чарышева, приобняв, подхватывает друг семьи, Стасик, ведет к яме.

– Держитесь, Дмитрий, – говорит "некто" из тумана, – у вас сын. Она в нем.

– Да, да, – говорит Чарышев, – спасибо.

Чарышев несколько удивленно смотрит на высокого молодого мужчину, что открыто и громко рыдает, покачивая красивой, с проседью в висках, головой.

– Возьми, камешек, Митя, вот, хо-

Экран и сцена



роший, мягонький, — приговаривает Вера. — Леночка сейчас смотрит на нас с облачка и радуется, как много друзей, как мы все ее любим.

После поминок. Квартира Чарышева. За окнами дождь и вечер.

Длинно и долго звонит телефон из темного пустого коридора.

Гости уже разошлись, оставив длинный стол в гостиной, заставленный грязной посудой и закусками. Бутылки, мусор, пепельницы с окурками.

Судя по всему, гостей было много. В квартире полутемно.

Свет горит лишь в гостиной и на кухне.

Телефон звонит не умолкая. Наконец трубку снимают.

— Кто? Нина, извини, не узнала тебя, — хриплым от слез голосом тихо говорит Вера. — Это Вера. Леночка умерла, Нина. — У нее пресекается голос. — Ты разве не знаешь? В эту субботу. Утром. Мгновенно. Никто ничего не понимает. Разрыв сердца. — Ее душат слезы. — Я тебе потом перезвоню, ладно?

Гулко раздаются ее шаги, когда она перемещается с грязной посудой из гостиной на кухню. Пустив в раковину воду, она снова плачет, закусив губу, прислушивается к звукам в квартире, быстро вытирает слезы, говорит преувеличенно бодро и громко.

— Митенька, сейчас я приберусь, и мы с тобой еще посидим, чаю попьем, пока Петенька девочку провожает. Хорошо? Я тебя одного не оставляю. Не думай. А Витюша, наш администратор, и автобус привез вовремя и венки. Он милый, Витюша, правда? Предупредительный...

— Милый, — натужно говорит Чарышев, стоя на четвереньках у рояля. — Они все милые.

Он что-то усиленно ищет в темной музыкальной комнате.

И даже простукивает стены, будто то, что он ищет, может быть спрятано и в стене.

— Вот видишь, а ты никогда с нашим оркестром знакомиться не хотел.

Чарышев пытается приподнять рояль за одну ножку, с крышки вниз падают ноты, падает со звоном метроном. Чарышев чертыхается, выходит. Садится в гостиную.

— Ничего там не трагай, — кричит Вера. — Я сама, ты всю посуду перебьешь.

— Пошла к черту, — тихо говорит Чарышев, наливает себе водки.

Вера появляется в дверях.

— Ну, Верунчик, давай, как говорится, давай, за упокой, — Чарышев медленно, будто воду, пьет рюмку до дна. — Странную фамилию прочел сегодня у одного покойного — Лифлес. Он занюхавает водку рукавом. — Этимологическое происхождение явно английское. Дословно это значит "Лишенный жизни". Какая смертельная тавтология. Ты не думаешь?

— Закуси, закуси, — быстро говорит Вера. — И поешь, тебе надо поесть. Ты умница, так хорошо держался... — Она, вновь вспыхнув слезами, отворачивается, выходит на кухню.

— А что, Вера, — говорит Чарышев, — по-моему, вечер удался. Как ты это все лихо организовала. Да, славный вечерок... Именины сердца. Вы на всех поминках поете?

Он трогает за гриф гитару с бантом, что стоит у стола.

— Почему на всех? — обиженно говорит Вера. — Митя, почему ты меня обижает? — она входит.

— А-а, значит, только на Ленкиных, — говорит Чарышев. Он брезгливо, кончиками пальцев трогает сигаретные бычки в пепельницах, отыскивая получше.

— Митя, нет, ты не будешь курить,

— испуганно говорит Вера, — она тянет к себе пепельницу.

— Что значит не буду? — рассерженно говорит Чарышев, пытаясь ее удержать. — Я десять лет терпел.

— Митя, не смей, ты знаешь, какие у тебя легкие. Ты что, хочешь Петьку сиротой оставить? Леночка с тобой билась, билась, неудобно, Митенька, ты ей обещал, что не будешь.

— Дай сюда, я тебе сказал, — говорит Чарышев. — Кому обещал, того уж нет.

— Что значит нет, — говорит Вера, выдирая пепельницу. — Она здесь, Митенька.

— Верунчик, знаешь что, наверное, не надо чай, — говорит Чарышев. — Поезжай-ка ты лучше домой. Нет, правда. Ну, что ты возишься. Тебя семья ждет.

— Нет, нет, — говорит Вера, унося окурки на кухню, — и не думай, тебя нельзя одного оставлять. Я тебя не оставляю. Между прочим, когда Петенька с девочкой сидели за столом, кто-то вот так, ласково, провел над моей головой.

— Кто бы это мог быть? — говорит Чарышев.

— Она была здесь, — входя, говорит Вера.

Чарышев молчит.

В окно дует сильный порыв ветра, так что слегка дрожат стекла и надувается гардина в том месте, где в окне трещина с отклеенной изоляцией.

— Знаешь что, — тихо говорит Чарышев, — она и сейчас здесь. Пойдем. — Он встает.

— Куда? — испуганно говорит Вера.

— Пойдем, пойдем, — взяв Веру за руку, Чарышев тянет ее за собой. Открывает дверь в комнату, где начат ремонт. Там темно, блестит на козлах ведро.

— Слышишь? — говорит он.

— Нет, — говорит Вера.

С сухим звуком падает на пол кусок счищенной штукатурки. Вера вздрагивает.

— Нет, не здесь, — говорит Чарышев. Он тянет ее через коридор и прихожую и останавливается у входных дверей.

— Она там, — говорит Чарышев.

— Митя, не пугай меня, я ужасно этого боюсь, — умоляюще говорит Вера.

— Стыдись, Вера, — говорит Чарышев, — это твоя лучшая подруга.

Он неожиданно распахивает дверь и, толкнув Веру в спину, выталкивает ее прочь. В последнее мгновение ошарашенная женщина успевает уцепиться за косяк.

— Иди домой, Вера, пожалуйста, ну иди, королева, — тяжело сопит Чарышев, захлопывает за ней дверь, закрывает ее на ключ.

Вера тяжело барабанит снаружи.

— Чарышев! Открой! — кричит она. — Я не шучу! Я серьезно обижу!

— Вера, не обижайся, — устало говорит Чарышев. — Прошу тебя. Поезжай домой.

Он уходит из прихожей.

Позже. Ночь. Квартира Чарышева.

Чарышев лежит в своем кабинете, отворнувшись лицом к стене.

В дверях слышен поворот ключа, входит Петя.

Чарышев слышит его шаги по квартире, помедлив, выходит к нему.

Сын сидит в гостиной, с длинным, еще не сложенным столом, с неприбранной скатертью, со стульями, стоящими в беспорядке. Смотрит на Чарышева, у него дергается лицо, он плачет, не скрывая слез.

— Почему она умерла, почему, — говорит он. — Почему ты ничего не сделал?

Чарышев кладет ему на плечо руку, неловко гладит.

— Почему она умерла, это несправедливо, — с гневом и болью говорит Петя, дергая плечами. — Не трагай меня, не хочу, она была самая лучшая, самая хорошая, она всегда о тебе заботилась, все для тебя делала, почему ты ничего не сделал!

Темное раннее утро.

Кабинет Чарышева. Петя одетым спит на его диванчике, носом уткнувшись в отцовский бок.

Чарышев сидит, неудобно повернувшись к нему, приближаясь.

За окном, звеня, проходит тот самый трамвай с остановкой на углу дома.

Из окна соседнего дома вниз летит огонек сигареты раннего курильщика. Чарышев облизывает губы, осторожно встает, выходит.

У комода в коридоре натывается на большой желтый чемодан, рассеянно разглядывает его содержимое: аккуратно связанные музыкальные пластинки в конвертах, в основном классика. Равнодушно закрывает чемодан (замки от старости закрываются туго), ставит его на то же место. Потом Чарышева можно увидеть лежащим на полу в гостиной и шарящим под диваном руками, там, в своих странных поисках он натывается на обломок старой лыжи.

В темной комнате, где собран старый домашний хлам.

И во всех остальных комнатах.

И в комнате с ремонтом, где он даже заглядывает в бидон с белилами.

— Ну, куда она могла деть... — бормочет он.

То, что он ищет, лежит в картонной коробке, в одном из отделений книжного шкафа, где стоят серые подлинные фойлианты и энциклопедии. В коробке лежит сверток, Чарышев разворачивает его, с лицом обрешетного клад искателя держит в руках старую пеньковую курительную трубку и немного сохшийся от времени табак в бумажном кисете.

Он принимается немедленно и жадно сосать трубку, кое-как набив ее табаком, щелкает дюжиной разовых зажигалок, что лежат тут же в плетеной соломенной тарелочке, одна из них неуверенно выдает пламя, и Чарышев, наконец, прикуривает.

— Ну, слава богу, — с мрачным удовлетворением бормочет он, — не выбросила.

На дне той же коробки лицом вниз, среди старых квитанций лежит фото, подписанное его женой: "Мы в Лую, Пете шесть лет, к нам приехал Митя".

На фото изображены все трое, счастливые, с маленьким Петей, на берегу моря.

Чарышев прижмуривается, кашляет, от дыма слезятся глаза или это текут редкие слезы, он закрывает лицо ладонью, сидит неподвижно, затем рассеянно подбирает с полу потрепанный журнальчик, что, очевидно, выпал из шкафа, когда он вытягивал оттуда коробку.

Журнальчик из серии уличных детективов, на плохой серой бумаге. Рассеянно пролистывая его, Чарышев обнаруживает десяток проездных талонов, сложенных между страниц в книжицу, и белый письменный лист с несколькими предложениями, написанными крупно, от руки, без подписи.

Прочтя его, Чарышев несколько мгновений находится в ошарашенном, оторопелом состоянии, выходит из комнаты, ищет очки, хлопая руками по мебели и предметам, находит, возвращается обратно, читает письмо, надев очки. Даже шевелит про себя губами.

— Папа, ты где? — сонно звучит из кабинета голос его сына.

— Я здесь, Петя, — хрипло и быстро говорит Чарышев, — здесь. Я иду.

Он, не глядя, панически прячет журнал с письмом в книжную полку, закрывает шкаф, выходит из комнаты.

— Папа, я прочитал в медицинской

энциклопедии, — всклокоченно и быстро еще из сна, говорит Петя, — что разрыв сердца может быть от стресса. Может быть, у мамы был какой-то стресс, а мы даже не знали?

День. Кладбище. У могилы жены стоят Чарышев и Стасик.

Работники кладбища что-то измеряют по ее периметру, переговариваются со Стасиком, который рассчитывается с ними, возвращает Чарышеву часть денег.

— За ограду они сейчас взяли, а за табличку через недельку, — говорит Стасик, — когда поставят.

Двое молча, не чокаясь, пьют.

— Петька в школу пошел? — спрашивает Стасик.

— Вчера.

— Понемногу привыкнет, — говорит Стасик. — У детей это быстро. Мама готова готовить вам обеда, все, что угодно. Ты только скажи. Извини, что не пришла.

Чарышев кивает, он смотрит в сторону могилы "лишенного жизни", где стоял в день похорон рядом с неизвестным посетителем.

— На памятник нужна будет Ленина фотография, — глухо говорит Стасик. — Может быть, из тех, что я вас у мамы на даче снимал, помнишь? Она такая там...

— Стасик, я хочу задать тебе один вопрос, мне это важно узнать, как ты думаешь, как ко мне относилась Лена? — неожиданно говорит Чарышев.

— Что? — растерянно говорит Стасик. — В каком смысле?

— Мне кажется, вы с ней были настоящим друзьями. Она восхищалась твоим добрым сердцем. И потому, со стороны виднее, как ты думаешь?

Он замолкает. Напряженно смотрит на Стасика.

— Думаю, она тебя ревновала, — помолчав, говорит Стасик.

— Меня?

— К студенткам. Вокруг тебя всегда крутятся студентки, они приходили к тебе домой. Молоденькие и так далее. Я видел, как она смотрела.

— Но они были с зачетками, — удивленно говорит Чарышев.

— Да хоть с зонтиками, — неожиданно резко и раздраженно говорит Стасик. — Не прикидывайся дураком.

Чарышев удивленно замолкает. Внимательно, будто впервые видит, разглядывает его лицо, его набрякшие под глазами мешки, лопнувший сосудик, щеки в красноватых прожилках и с царапиной от небрежного бритья. Стасик, не выдержав этого взгляда, отводит глаза, неохотно, без слов, поводит плечами.

Поздний вечер. Квартира Чарышева.

Петя спит — поверг постели, в домашнем халате и в одном шлепанце, очевидно, сон сморил его неожиданно.

Чарышев в мокром плаще устало стоит на пороге его комнаты. Осторожно гасит в комнате свет.

Проходит в комнату с книжным шкафом, куда всунул тот самый детективный журнальчик, останавливается, он не решается открыть его дверцы, будто то, что за ним спрятано, чрезвычайно опасно.

В наступившей тишине, неожиданно и резко звонит телефон.

— Да, — настороженно говорит Чарышев.

В трубке молчат.

— Алле. Кто это? — помолчав, глухо говорит Чарышев.

Утро. Квартира Чарышева. Отец и сын завтракают на кухне. Вернее, ест Петя яичницу с сосиской, а Чарышев искося на него смотрит.

— Сынок, а кто был этот молодой человек, который плакал на маминых похоронах, — такой высокий, у него еще седина пробивается, не обратил внимания? — говорит Чарышев.

— Это баритон из филармонии. Мама ему аккомпанировала.

— А, ну да, ну да, — поспешно говорит Чарышев.

— Тебе радиожурналистка звонила, с "Русской мысли". Сказала, что должен ее помнить. Вербицкая.

— Не помню.

— Она сказала, что, если не вспомнишь, сказать, что это та, у которой машину угнали, когда она к тебе в университет приходила. А частный сыщик нашел.

— А, ну да, ну да. Нашел... Действительно. Что будешь на ужин? будешь куриные котлеты?

— Т-ты это серьезно?

— А ты как думал? Между прочим, когда ты был маленьким, овсяную кашу я тебе сам готовил.

Оба после завтрака моют в ванной руки.

Каждый вытирается своим полотенцем, еще висит третье, веселой расцветки, длинное, бахромой свешивается к самому полу.

Оба смотрят на него. У сына на глаза наворачиваются слезы. Он скрывает их кулаком. Чарышев кладет руку ему на макушку.

— Папа, — говорит Петя, — котенок, которого мама кормила, сегодня ее у подъезда ждал... — отворачивается, выходит.

День. Квартира Чарышева.

Чарышев в плаще лежит в своем кабинете, отворнувшись лицом к стене, будто все силы внезапно покинули его.

Встает, проходит в комнату с книжным шкафом, где был спрятан журнал. Открывает шкаф, нетерпеливо перебирает книги, вынимает тот самый детективный журнал, долго рассматривает обложку, прозвенев талончики, два из них пробиты. Затем читает листок, это неоконченное письмо.

"Мой дорогой, любимый человек, пишу тебе это письмо и плачу. Я решила, что не могу сейчас бросить Митю. Давай, подождем хотя бы до Нового года. Жизнь сама найдет выход. Не было дня, чтобы я не думала о тебе..." (на этом письме обрывается).

Чарышев читает медленно, возвращаясь к отдельным словам, будто смысл этих слов не дается ему.

"Я решила, что не могу сейчас бросить Митю... Не было дня, чтобы я не думала о тебе..."

Чарышев откладывает письмо в сторону, выходит.

Чуть позже. На кухне Чарышев готовит котлеты из фарша, заглядывая в кулинарную книгу, где лежат листочки с рецептами, переписанными от руки его женой. Он делает все аккуратно, старательно и автоматически.

— Нет, это невозможно, — говорит он. — Чепуха. Это какая-то невероятная чушь.

Стремительно, вновь ударившись об угол выставленного в коридор комода, идет к книжному шкафу, возвращается на кухню с детективным журналом. Сверяет почерки, которым написаны письмо и рецепты, которым он следует.

"Мой дорогой, любимый человек, пишу тебе это письмо и плачу. Я решила, что не могу сейчас бросить Митю..." и "...берем два яйца, взбиваем, размягчаем мякиш белого хлеба..."

Нет сомнения. И то, и другое написано рукой его жены.

● Геннадий и Анна Островские
Фото Алисы ХМЕЛЬНИЦКОЙ

Экран и сцена